

Пярнуская элегия

ТЕПЛИТСЯ свеча в приземистом фойере — и снег потихоньку стает с него.

Вот уже год, как лег в эту землю на Лесном кладбище в эстонском городе Пярну прах Давида Самойлова. В том памятном феврале отмечали столетие Пастернака. Был вечер в Большом театре. Была служба в Переделкине, в храме, который виден из окон пастернаковской дачи. Давид Самойлович заказал литургию в Пярну, где прожил почти пятнадцать лет, и отстоял ее в старинной Екатерининской церкви со слезами на глазах. Жить ему оставалось двенадцать дней.

В последнем письме из Пярну он заметил: «А ведь мы живем гораздо ближе к погоде, чем в Москве». И точно. Когда в Москве прощались с поэтом, на Балтике разыгрался шторм, задул ветер с залива, и вода хлынула на улицы. А в ночь, когда умер академик Сахаров, под окнами самойловского дома сломался от мокрого снега вереск в руку толщиной. Иван Гаврилович Иванов, человек бывалый и хозяйственный, сокрушается: собирался вытесать из него палку для Давида Самойловича, да не успел. 23 февраля 1990 года в Таллинне на юбилейном вечере Пастернака, едва завершив речь, Давид Самойлов скончался.

НЕВНЯТНЫЕ московские слухи середины семидесятых годов о том, что Давид Самойлов поселился где-то на балтийском побережье, вскоре подтвердились стихами, пропитанными двойным светом неба и моря. Соседка Самойловых, радиожурналистка Хелле Тамм убеждена, что пярнуский пери-

од был для поэта самым плодотворным. Может, из Опалихи или Москвы это выглядит слишком категорично, но в Пярну, где самойловскими строчками отзываются деревья и шпиль, утренние снега и теплые окна в ночи, возражать не тянет.

Конечно, ему здесь хорошо работалось, но и жить своим домом — в городе как за городом — нравилось. И Москва — рядом: понадобится — за полдня можно добраться. Но не слышно над ухом ее горячего дыхания, казенные души — и те всерьез не донимают. Листая шуточный домашний альбом, я наткнулся на лихую стандартку из писательского департамента. Напечатано: «Уважаемый...» — и от руки прибавлено: «Кауфман-Самойлов». Видать, не заслуживает даже имени-отчества этот очередной товарищ по перу, задолжавший, как выясняется, за последние годы в казну творческого союза целых десять рублей. Пусть же знает, что спуска не будет. И подпись: секретарь московских писателей такой-то. Счастличик: чего доброго, одной этой бумажки достанет, чтобы не канул в Лету.

В Москве такая эпистола могла бы и раздосадовать, а в Пярну лишь позабавила и осела в коллекции курьезов. Были случаи, когда Давид Самойлович прямо говорил: «Хорошо, что мы не в Москве». Поскольку пярнуский учитель Виктор Александрович Перелыгин гораздо

лучше московских секретарей понимал, с кем ему выпало общаться, то он стал регулярно фотографировать поэта — и одного, и с домочадцами, и с гостями. Рекомендую молодого энтузиаста своему давнему другу, автор исторических баллад заметил: «Это — Виктор, летописец нашего великого сидения в Пярну».

В эстонской школе, где работает Виктор Александрович, Давид Самойлов встречался с учениками и педагогами. По просьбе учителя сделал краткие, в несколько строк, надписи на книгах Батюшкова, Грибоедова, Кюхельбекера... На сборнике Анны Ахматовой вывел:

«Анна Андреевна неоднократно повторяла и однажды сказала при мне:

— В поэзии нет секретов, есть тайна».

Он и сам это знал. И, выслушивая начинающих стихотворцев, на мелочные наставления обычно не разменивался. Хвалил сдержанно: «Это уже лучше». Спасаясь от безнадежных пациентов, оправдывался: «Я не лечащий врач, я диагност». И диагностом был проницательным. «Толковали как-то о жизни, — вспоминает И. Г. Иванов, — и вдруг он стал подбивать меня на прозу». К счастью, успел удостовериться, что не ошибся.

На литературных вечерах Давид Самойлов щедро перечислял поэтов, которых любит и ценит, но на вопрос, кто сегодня первый поэт, отвечал, что Пуш-

кина, увы, в нашей поэзии нет. Когда же его спросили, какой он сам по счету, немедленно сказал:

— Примерно двенадцатый... Но не вижу одиннадцати.

Эту реплику я услышал от Максима Самойленко, которого Давид Самойлович называл своим учеником, а еще чаще автором... кота. Крошечный котенок, которого Максим за паухой принес в дом Самойловых, вырос в огромного черного красавца. Вот он сидит на подоконнике в кабинете поэта, высматривая что-то свое во дворе, а любящий хозяин тем временем погружен в свое профессиональное дело. На обороте этой фотографии, сделанной В. А. Перелыгиным, Давид Самойлов написал: «Идеальная схема межнациональных отношений». Той же неотступной мыслью продиктована и надпись на стихотворном сборнике «Беатриче», обращенная к пярнуским друзьям — Рудольфу и Вайке Аллерам: «Между нами нет границ. Не было и не будет».

Русский поэт много переводил. Его переводы эстонской поэзии — от Лидии Койдулы до Пауля-Эрика Руммо — впервые были собраны в книге «Улица Теоминга». Так называется улица, на которой жил в Пярну Давид Самойлов. На этой же улице живет Хелле Тамм. «Что больше всего запомнилось? — говорит она. — Простота в общении и отзывчивость. Звоню ему с просьбой об интер-

вью или хочу посоветоваться — он отвечает одинаково:

— Заходите».

«ЗАХОДИТЕ, пожалуйста. Это стол поэта. Кушетка поэта. Книжный шкаф. Умывальник. Кровать. Это штора — окно прикрывать. Вот любимое кресло. Покойный был ценителем жизни спокойной». Так начинается давнее самойловское стихотворение — насмешливое и горькое — о живом доме поэта, превращенном в мемориальный музей. Когда впервые на моей памяти автор прочитал эти строки в парадной аудитории Московского университета на Моховой, любознательные студенты не удержались от вопроса: «Кого из поэтов вы имели в виду?» Ответ был очевиден: «Никого конкретно...» И, конечно, меньше всего самого себя. Маяковский тоже не думал о себе, когда восклицал: «Время пулям по стенке музеев тенькать». Но, пока еще помнили его стихи, музей строили особый — библиотеку-музей. И музей Давида Самойлова в Пярну, о котором здесь заговорили сразу после ухода поэта, представляется не просто музеем застывшего мгновения, а, скорее, музеем-гостиной, где с посетителями встречались бы люди, бывавшие тут ранее. А бывали тут Зиновий Гердт и Михаил Козаков, Юлий Ким и Валентин Никулин, Инго Нормет и Сергей Никитин... И звучали бы стихи, потому что тайна поэзии — в ней самой.

Жизнь уходит.

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

В. РАДЗИШЕВСКИЙ

